

РУСЛАН КУЧУМОВ

НЕВЕРИФИЦИРОВАННАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ

Руслан Кучумов

Неверифицированная вероятность

<https://litres.ru/74355492>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где корпорации научились считать поведение лучше самих людей, свобода воли постепенно становится статистической погрешностью.

Обычная работа за хорошие деньги приводит героя к заданию, связанному с компанией, которую все остальные предпочитают считать безумной. Но чем глубже он заходит в чужую биологию, в городскую систему предиктивного контроля и в собственные мотивы, тем яснее становится: опасны не только технологии, которые умеют предугадывать выбор.

Человеческие страсти куда опаснее.

Мрачный нуар-биопанк о вероятности, контроле и хрупкой человеческой непредсказуемости.

Руслан Кучумов

Неверифицированная вероятность

НЕВЕРИФИЦИРОВАННАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ

(рассказ)

I. Брак

— Дело так себе, дружище.

Брак пялится куда-то мимо моей головы.

Левым глазом он почти ничего не видит, правым — терпимо. Чует интонацию. И то, что в руке мяч. Судя по тому, как шевелятся его уши, мяч интересует его куда больше слов.

Бросаю.

Мяч проскальзывает по полу, цепляет ножку стола и, лениво подпрыгнув, прокатывается между его лап.

Пес оборачивается на звук.

— Великолепно.

Он смотрит вправо.

— Там стена.

Мы не торопимся. В его возрасте подъем с пола уже не

движение, а заседание: передние лапы принимают решение быстро, а задние еще что-то обсуждают, требуют дополнительных гарантий и, кажется, письменного подтверждения. Наконец одна соглашается. Немного замешкавшись, присоединяется и вторая.

Брак ковыляет к стене, нюхает плинтус и поворачивает ко мне морду с выражением существа, которое честно исчерпало все разумные способы участия в чужой идиотской затее.

— Мяч слева.

Он поворачивается вправо.

— Это не то лево.

Натыкается на мяч задней лапой, вздрагивает, неуклюже крутится и едва не садится мимо собственного зада. Наконец, добыча в зубах.

Тычу в него двумя пальцами.

— Слепой.

Хвост шлепает по полу.

— Старый.

Еще быстрее.

— И ленивый.

Наконец, несет мяч.

Приходится уважать существо, которое так последовательно игнорирует обоснованную критику.

Беру мяч из мокрой пасти, Брак усаживается рядом и некоторое время внимательно смотрит мне в грудь. Почти попал.

— Но платят очень хорошо.

Уши тут же поднимаются — знает, что я направляюсь к холодильнику.

— Очень, — повторяю, доставая мясо.

Настоящее, если верить маркировке.

Кусок мышечной ткани выращен без ускорителей Meridian Soma, никогда не испытывал боли, не соприкасался с костью, кожей, внутренностями или каким-либо животным, прошел восемнадцать санитарных контуров и получил право называться естественным продуктом. Люди обожают естественное. Особенно после того, как его стерилизовали, сертифицировали и надежно изолировали от природы.

Браку все равно.

Отрезаю кусок.

— Поэтому, могу и не вернуться.

Он ерзает и бьет хвостом.

— Не драматизируй.

Бросаю мясо.

На этот раз ловит.

— Видишь? Идеальный вечер.

Брак глотает, почти не жуя, и немедленно забывает, что ел. В этом отношении память у него превосходная.

Сажусь на пол, прислонившись спиной к кухонной панели. Отсюда удобно чесать Брака между ушами и смотреть в окно, за которым все еще слишком светло. В этом секторе держат двадцатичасовой день: местные производственные

линии лучше переносят длинные циклы бодрствования, а городская администрация давно решила, что солнце — слишком важная вещь, чтобы доверять его расписание планете.

Мне производительность никто не проектировал. К шестнадцатому часу искусственного полдня начинает ломить виски.

Делаю знак рукой — вот и световые фильтры.

Комната мгновенно стареет. Исчезает белесый блеск стен, кухонный металл тускнеет, в углах просыпаются тени. Так спокойнее.

Квартирка — служебный объем третьего класса. Разумеется, никакой службы у меня нет: доступ куплен у женщины, умершей за девять лет до нашего знакомства. Юридически здесь до сих пор она.

Иногда приходят сообщения от Calyx.

С поздравлениями.

Судя по корпоративной почте, покойная Феда Мир с каждым годом становится генетически здоровее, ответственнее относится к репродуктивному будущему и все ближе к идеальному возрасту для планового обновления клеточных резервов.

Недавно ей предложили сохранить яйцеклетки.

Ответил, что подумаю.

Теперь Calyx шлет напоминания чаще.

— Orison, — говорю я.

Брак облизывается.

— Не обольщайся, это не еда.

Погружаю пальцы в шерсть за его ушами. Еще густая, почти черная, не считая пары белесых островков.

— Хотя... может ты и прав. Зависит от того, кто спрашивает.

Orison Extrinsic Biology называют себя скромно: «исследователи». Calyx в пресс-релизах предпочитает ядовитое «операторы неконтролируемых наследственных рисков». Meridian — «поставщики нестабильных соматических платформ». Vesper — те вообще не говорят о них ничего, что само по себе громче любого заявления. Axiom раз в квартал пересчитывает индекс системной энтропии и неизменно ставит Orison на первое место.

Когда вся пятерка хором вопит, что шестой сбрендил, возможны два варианта.

Или шестой и вправду сумасшедший, или же у него есть что-то, чего жаждут те пятеро.

Мне ближе второе. За него лучше платят.

— Нужно взять образ, — чешу ему за ухом.

Брак укладывается на живот.

— Живой.

Морда опускается на лапы.

— Полностью согласен. Анахронизм. Красть военные криптоплазмиды и оцифрованные геномы куда проще.

Перебрасываю мяч из ладони в ладонь. За последние три дня слово «образ» встретилось в документах заказчика два-

дцать семь раз, а название объекта — ни разу. Сразу понятно, почему им нужен такой как я. Хороший посредник всегда сообщает ровно столько, чтобы исполнитель мог погибнуть профессионально, не успев перед смертью узнать лишнего.

— Центральный блок Orison, исследовательский сектор. Четыре оболочки допуска. Первая — гражданская сетка, за ней — сверка соматического профиля, потом – верификация эндокринной динамики. Рутинка. Вот четвертая...

Брак дрыхнет.

Бросаю мяч — тот попадает ему в бок. Пес вскидывает голову, возмущенно моргает и смотрит на мяч.

— Четвертая — предиктивная.

Его взгляд почти на мне.

— Да, сейчас можешь и побеспокоиться.

Тот зевает так широко, что несколько секунд вижу все, что осталось от его зубов.

Предиктивную защиту особенно любят люди, никогда не заходившие туда, где она работает.

Обычный замок спрашивает: кто ты?

Хороший замок уже хочет знать, имеешь ли ты право войти.

Но Аxiom умеют в безопасность, их контуру интересно другое: что ты сделаешь дальше? Если ответ укладывается в модель, остальные замки можно выбросить.

Бросаю мяч снова. Брак следит за ним головой, запаздывает, потом все-таки поднимается.

— Тридцать семь процентов.

Пес идет на звук.

— Это смерть.

Ухо дергается.

— Остальные шестьдесят три тебе тоже не понравятся.

Щелкаю пальцами — над полом тусклым неоном вспыхивает схема комплекса. Голубоватый свет ложится на шерсть пса, тот проходит сквозь девять этажей Orison и, немного подумав, устраивается прямо посреди центрального блока.

— Как ты догадался? Этот маршрут я и выбрал.

Он вздыхает и закрывает глаза.

— Но там либо лаборатория, либо криоконтур. Мда. В первом случае спалюсь, во втором — замерзну.

Брак чихает.

— Знаю, ты всегда был оптимистом.

Увеличиваю схему.

Данных мало. Неприлично мало даже для черного рынка.

Технические планы Orison обновляются каждые семь часов, внутренняя топология комплекса постоянно меняется: не стены, разумеется, хотя от этих я бы не удивился и стенам. Перемещаются лабораторные зоны, переключаются воздушные контуры, переназначаются трубопроводы, часть дверей утром ведет в один сектор, вечером уже считается входом в другой.

Корпорация, десятилетиями работающая с биологией неизвестного происхождения, довольно быстро приобретает

привычку не доверять даже собственным коридорам.

— Да, могу и отказаться.

Брак открывает правый глаз.

— Теоретически.

Договор короткий. Черный рынок за последние сто лет сделал огромный шаг в сторону удобства клиента.

Объект — подтверждение образа — сумма — последствия.

В графе последствий — знак частного арбитража. Ни условий, ни пояснений не требуется. Люди, способные нанять такой арбитраж, считают крючкотворство дурным тоном.

— Уже запросил внутреннюю спецификацию, — продолжаю я. — Запрос заметили. Посредник знает, что я знаю. Orison, возможно, знает, что посредник знает, что я знаю. Видишь, вырисовывается почти дружеская компания.

Брак снова закрывает глаз.

— Вежливые люди на этом этапе заканчивают знакомство.

Он молчит.

— А невежливые?

Молчит.

— Вот и я так думаю.

На самом деле отказаться можно. Всегда можно. Невозможность слишком часто путают с ценой.

Можно взять Брака, покинуть сектор, купить транзитный геном и попробовать пройти на грузовой корабль. На пер-

вой проверке профиль примут, на второй возникнет вопрос к пропорциям тела, на третьей выяснится, что владелец генома ниже меня на двадцать сантиметров и шесть лет как отбывает карьерный контракт на Ио. После этого данные уйдут Calyx, а я, вероятно, снова увижу Лествицы.

Не те, из детства. Те давно закрыли — у старых воспитательных центров обнаружился неприемлемый уровень самоубийств среди персонала.

Впрочем, таких как я это не спасало.

Брак поднимает морду. Замечаю, что рука давно застыла у него на шее.

— Все хорошо.

Он смотрит мимо.

— Даже прекрасно.

Даю еще кусок мяса.

В Лествицах за ложь иногда не кормили. Метод считался мягким: голод должен был помочь ребенку связать неверное утверждение с неблагоприятным последствием и постепенно выстроить социально приемлемую модель поведения.

Это работало плохо — еще лет в восемь я научился лгать очень точно.

— Значит, идем.

Брак ест.

— То есть я иду. Ты остаешься.

Он перестает жевать.

— Даже не начинай.

Кусок наконец исчезает в пасти.

Киваю ему на задние лапы.

— И километра не осилишь.

Хвост ударяет об пол.

— Это не оскорбление, а медицинское заключение.

Еще удар.

— Meridian дал бы ту же оценку.

Брак тихо рычит.

— Ладно, с Meridian был перебор.

Хвост успокаивается.

Улыбаюсь. Или нет? Не уверен.

В девять лет воспитатель седьмой ступени объяснил, что естественные лица сложнее интерпретировать из-за некалиброванной лицевой мускулатуры. Не дефект, разумеется. В Лествицах слово «дефект» при детях старались не использовать. «Нерегламентированная вариативность».

Он говорил спокойно, почти ласково, а потом посадил меня перед зеркалом и попросил двадцать раз подряд воспроизвести дружелюбную улыбку.

На четырнадцатой я плюнул ему в глаз.

С тех пор стараюсь улыбаться реже.

Люди считают это характером. Характер. Старая ошибка, которой дали приличное имя.

Убираю схему. Брак старательно вылизывает пустую миску, поверхность блестит.

— Вернусь утром.

Язык елозит по металлу.

— Возможно, позже.

Миска безупречна.

— В крайнем случае придет женщина с третьего этажа.

Брак останавливается.

— Не смотри так.

Теперь он смотрит на холодильник.

— Она тебя кормит.

Морда медленно поворачивается к двери.

— У нее линия социальной поддержки. Она физиологически не может не любить старых собак.

Наконец, он почти попадает взглядом в меня.

— Знаю. Но придется немного потерпеть.

С соседкой мне повезло. Должность — кризисный медиатор четвертого класса, Vesper Nestia-9, ограниченная агрессивная обратная связь, усиленное распознавание чужого стресса, сниженная способность к длительному раздражению. Ей пятьдесят два, и за всю жизнь она ни с кем не поссорилась больше чем на пять минут.

Однажды спросила, не тяжело ли мне жить с таким характером.

Ответить честно не успел: через три минуты она меня простила.

Поднимаюсь. В шкафу три одинаковые куртки. Вернее, одинаковы только две. Третья же носит чужой эпителиальный профиль, четыре колонии синтетической кожи и весьма

недешевый запах человека, пять месяцев назад погибшего на Титане.

Марек Сой, сотрудник Orison. Тридцать один год, Meridian C-18, усиленная минерализация поясничного отдела, стабилизированная воспалительная реакция легких, допуск третьего уровня. На черном рынке от него осталось больше данных, чем у некоторых живых.

После смерти Orison вернул себе лицензированные желе-
зы. Мозг забрал Vesper. Печень и часть костного мозга ото-
шли Meridian Soma. Calyx предъявил права на четыре лице-
вых морфологических паттерна, защищенных наследствен-
ной лицензией. Да, не все идут вот так нарасхват, но и удив-
ляться тут нечему. Предсказуемо.

Родственникам достались зубы.

Знаю, потому что куртку продал его брат. Хороший чело-
век. Очень хотел еще раз увидеть лицо покойного — при-
шлось объяснить, что легальная реконструкция нарушит ин-
теллектуальные права Calyx.

Он плакал, и я не стал торговаться.

Накидываю куртку, вот и запах Марека: слабая химиче-
ская горечь, которую система распознает как человека, а
обычный нос — как плохо проветренную медицинскую па-
лату.

У Брака в зубах мяч. Смотрит с виноватой хитрецей.
— Сейчас?

Мяч катится к моим ногам.

— Приятель, у меня работа.

Брак садится и ждет. Нехотя подбираю игрушку.

— Только один раз.

Бросок выходит с перебором — пес срывается с места, если это можно назвать срывом: медленно, криво, передние лапы уже бегут, задние договариваются с полом. Мяч ударяется о стену и возвращается почти к нему, но Брак проходит мимо.

Жду. Тот разворачивается.

— Брак.

Замирает.

— Здесь.

Идет на голос, осторожно ставя лапы. В нескольких шагах ошибается с направлением, приходится еще раз тихо щелкнуть пальцами. Наконец, тычется носом в колено.

Опускаюсь, обхватываю его за шею. Он пахнет старой шерстью, лекарством для суставов и мясом.

— Не привыкай.

Он лижет меня в подбородок — тру лицо рукавом.

— Ну вот опять. Зачем? Знаешь же.

Хвост стучит по полу.

— Совершенно неклассифицируемое поведение. Совершенно.

Выхожу. За дверью останавливаюсь и стою, прислонившись плечом к стене, пока из квартиры не доносится цокот когтей, а за ним — тихий металлический дребезг.

Пес вернулся к миске. Уже легче — всегда предпочитаю знать, чем заняты те, кого оставляю за спиной. Даже если это собака.

Особенно если собака.

У транспортной шахты — голо-баннер Calyx размером с планетарный транспорт: на белой панели, покрытой «естественным» омни-пухом спит ребенок — года три-четыре. Лицо симметричное, рот закрыт, ладони спокойно вытянуты вдоль тела.

Наверное, именно поэтому голограмма получилась удачной.

Те, что выживали в Лествицах, спали не так. Генетический сброд, брак третьего уровня для базовых линий или что похуже. Полный «аналоговый рандом». Шум. «Аналоговых» дикарей как я всего-то горстка. Статистическая погрешность. А других сбежавших из Лествиц и вовсе нет, уж я бы знал.

СЛУЧАЙНОСТЬ — ДРЕВНЕЙШАЯ ФОРМА БЕДНОСТИ.

Ниже, помельче, рубленным «честным» шрифтом:

ПОДАРИТЕ РЕБЕНКУ ПРЕДСКАЗУЕМОЕ БУДУЩЕЕ.

Останавливаюсь не из-за рекламы.

Мембрана турникета мигает желтым.

Один раз. И снова.

Камера-мотылек надо мной ищет гражданский профиль

и, разумеется, не находит. Все как обычно: запрашивает соматический индекс, потом резервный наследственный пакет. Межпланетарный сетевой архив Calyx перебирает старые квантовые блоки, в которых мое существование значится все той же статистической погрешностью.

Жду.

Люди начинают расходиться.

Не демонстративно. Демонстративное избегание считается социальной агрессией и может снизить индекс кооперативности. Женщина слева вдруг тычет в уведомление на своем терминале. Мужчина за спиной выбирает соседнюю мембрану-турникет, хотя очередь там длиннее. Еще двое просто немного замедляют шаг, чтобы между нами образовалось безопасное, ничем не объяснимое расстояние.

Очень воспитанно. На неразмеченных стараются не смотреть. Вдруг заметишь что-нибудь человеческое.

Система заканчивает поиск.

ПРОФИЛЬ НЕВЕРИФИЦИРОВАН.

Всплывает вторая строка. Как будто чуть запаздывает.

ДОПУСК: ОСТАТОЧНЫЙ.

Мутная желтая мембрана моментально превращается в глянцево-прозрачное окно.

— Спасибо.

Система молчит. Сертификация Vesper умеет отличать благодарность от попытки установить эмоциональный контакт, она не тратит ресурсы на второе.

Спускаюсь.

До Orison сорок три минуты.

Расчет хороший. Это-то и должно было насторожить.

II. Шум

Найти вывеску Orison в секторе — еще та задача. Наверное, это единственная.

Корпорации любят собственные имена. Meridian ставит белый позвоночник на всем — от клапанов сердца до тел колонистов, которые никогда не смогут жить при земной гравитации. Calyx печатает свой лотос на дверях генетических резервуаров, бланках наследственного допуска и контейнерах для эмбрионального неликвида. Vesper гениально лаконичны — просто пустой круг. Разве что Axiom — те вовсе не используют логотипы и символику, видимо, им хватает того, что половина города просыпается, работает, покупает и размножается по рассчитанным ею моделям.

Orison занимает девять этажей здания, которое в муниципальном реестре значится распределительным центром атмосферной фильтрации.

Как положено, вхожу через отдел атмосферных фильтров.

Иногда документы говорят правду. Но не всю — это и пугает.

Куртка Марека сидит скверно. Рукава коротковаты, плечи тянет, по спине под тканью медленно расползаются синтетические колонии кожи, нагреваясь до температуры тела и выделяя нужный набор летучих соединений.

Первая дверь считывает эпителиальный ключ — прохожу.

Вторая измеряет пропорции. Тут чуть сложнее — Марек ниже меня. В подкладке работает корректирующая сетка: расширяет плечевой контур, немного меняет отражение тканей на глубинных сенсорах, визуально укорачивает бедро. Старый трюк. Дорогой. Для третьего поколения соматических сканеров почти бесполезный, но Orison почему-то держит второе.

Стою неподвижно.

По краю двери пробегает свет, задерживается на коленях и возвращается к плечам.

ДОПУСТИМОЕ СОМАТИЧЕСКОЕ ОТКЛОНЕНИЕ.

— Спасибо, Марек.

Третья оболочка проверяет эндокринную динамику. Вот здесь нужно притормозить.

Прозрачная маленькая ампула быстро плавится в ладони без следа. Ну, не подведи. В ней не гормоны Марека — такая смесь улетучится за несколько минут, — а геномный слепок возрастной активности нейромедиаторов, которые заставят уже мое собственное тело изобразить знакомый системе рисунок.

Самое неприятное в чужом эндокринном профиле — не навязанные слепком желания и даже не боль.

Настроение.

Марек Сой входил на работу с устойчиво повышенным уровнем дофаминового ожидания. Судя по старым данным,

он действительно любил Orison. Возможно, даже был счастлив.

Извращенец.

Чувствую, как ускоряется сердце. Еще немного — и странство за дверью неожиданно начинает интересоваться. Не в переносном смысле; хочется войти, посмотреть, увидеть, чем сегодня занимается лаборатория, кто пришел на смену.

На губах само собой появляется что-то похожее на улыбку.

Вспоминаю то зеркало в Лествицах.

Лицо возвращается в норму.

— Марек, ну ты и сволочь.

Дверь открывается, за ней — белый коридор.

Просто белый. Orison почти не использует стандартные спектры: разным лабораториям нужны разные длины волн, разная температура, влажность и состав воздуха, а немодифицированному человеческому глазу здесь отводится роль плохо совместимого периферийного устройства.

Вхожу. Минута — все спокойно. Еще одна.

На третьей навстречу идет лысый человек без ушей. Кожа от висков плавно уходит к шее, слуховые каналы отсутствуют. На гортани светится тонкая синяя пластина.

Смотрю ровно столько, сколько посмотрел бы Марек. Вот только сколько смотрит Марек Сой на человека без ушей?

Пару секунд? Может, вообще не замечает?

Человек приближается. Синяя пластина на горле дрожит.

— Добрый цикл.

Голос звучит из стены справа. Ага, этот из акустической линии — слышит через внутреннюю сеть и передает речь туда же. Чужие голоса не отвлекают, производственный шум не утомляет, при разгерметизации не лопаются барабанные перепонки. Наверное, непыльная специализация.

— Добрый, — киваю.

Проходим друг мимо друга.

Внутри скребет неприятная мысль: Марек отвечал на приветствия?

Гормональный профиль говорит, что, скорее всего, да. Старые сетевые записи показывают высокий индекс социальной вовлеченности. Но работники Orison? Здесь? В этом секторе?

За спиной тихо, никто не окликает, но это ничего не значит.

Предиктивная система никогда не сообщает человеку, что тот ошибся, просто начинает смотреть внимательнее.

По плану следующий поворот налево.

Сворачиваю направо.

Первое собственное решение после входа. Неправильное, следовательно, потенциально полезное.

Коридор сектора гидробионтов встречает йодным духом, зеленоватым светом и тремя лаборантами с прозрачными веками. Зрачки у одного из них медленно, не мигая, поворачиваются в мою сторону.

Поднимает голову. Не смотреть.

Встряхиваю податливо-эластичную «тряпочку» своего терминала — шарю глазами по пустому экрану, будто сверяю маршрут или пробегаю глазами срочное распоряжение. Любая разумная причина находится в сорока метрах от сектора, куда Марек Сой при жизни заходил трижды.

Человек с прозрачными веками отворачивается.

Кажется, пронесло.

На развилке достаю доисторическую монету. «5 копеек». Судя по цвету — медный сплав. Настоящий, тяжелый, рисунок почти стерт. Орел — налево, решка — направо.

Орел.

Сворачиваю направо.

Не потому, что это неожиданно. Достаточно умная система первой предусмотрит детский фокус с нарушением придуманного правила. Монета нужна для другого: несколько секунд не знать собственного решения. Между мной и Аxiom остается крошечный разрыв — система уже предполагает, человек еще нет.

Следующий поворот выбираю по числу креплений на вентиляционной решетке. Потом возвращаюсь, поднимаюсь этажом выше, спускаюсь на один и останавливаюсь перед автоматом питательных растворов.

Зеленый или бурый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.